

Анатолий Агарков

**Хождение в
пятую власть**

Анатолий Агарков

Хождение в пятую власть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829544

ISBN 9785449075789

Аннотация

Давайте посчитаем – нет ошибки? Власть первая в стране – политическая (Генсек, Политбюро, ЦК, парткомы). Вторая власть – законодательная (Верховный Совет, Советы на местах). Третья власть – исполнительная (Совет Министров, исполкомы на местах). Четвертая – судебная (Верховный суд, суды нижних инстанций). Пресса должна быть пятой властью, но куда-то мусора запропастились: должна же быть правоохранительная власть? Или им не надо власти? – они ее и так имеют.

Содержание

1	5
2	32
3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Хождение в пятую власть

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7578-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Увы, клад Пугачева опять не дался. Кто заблуждается – легенда о пещере Титичных гор или люди ее пересказывающие? Вполне возможно за прошедших два века золото бунта, если оно и было зарыто в этом месте, нашли, раскопали и унесли. Тогда обе мои попытки достичь его были зряшными. Но, как говорится, не проверишь – не узнаешь.

Сокровищ – ни следа, если не считать той суммы знаний, приобретенных в первобытной стране, которые озарили мой ум, умеющий теперь делать что-нибудь из ничего. Возможно, это больше на благо мне, нежели бочки с золотом и сундуки с алмазами, даже если бы они не были призрачны, как те облака, которые ранним утром носятся над поверхностью моря и кажутся твердою землей, но испаряются и исчезают по мере приближения к ним.

Итак, все кончено. Я в нашем времени, на этом свете – без семьи, работы, жилья и даже, как уже говорил, без сокровищ. Прошли месяцы с того дня, когда я нырнул под лед в пещере Титичных гор – был январь, а теперь на дворе апрель в самом конце. Первое же зеркало на пути к дому (а это было боковое зеркальце у машины) показало, что первобытные приключения произвели некоторую перемену в выражении моего лица. Я ухнул в прорубь с чертами цветущего юноши, от которых теперь не осталось следа – будто несчастье уже начер-

тило зловещие знаки на моем челе: лицо осунулось; мило улыбающийся рот принял твердое и решительное выражение; брови изогнулись; лоб пересекла суровая, прямая морщинка; в глазах притаилась глубокая грусть. Лучший друг, если такие остались на свете, не узнал бы меня – я и сам себя не узнавал. И не потому, что не брит.

Короче, отражение было чужим, хотя знакомые черты никуда не делись. Они лишь обострились или, наоборот, сгладились. На меня смотрел голубоглазый субъект, в волосах которого появился налет седины.

Ну и усища! – хмыкнул я.

У меня отродясь таких не было – свисающих ниже подбородка. К тому же нос покраснел, словно я не отказывал себе в вине в первобытной стране. А левую косицу украсил бледно-розовый шрам, похожий на гусиную лапу.

Это откуда?

Впрочем, что хотел увидеть в зеркале? Женщину с девственным лицом?

Я направлялся домой, в Увелку, к родителям, и сколько ни рылся в богатом воображении, не находил убедительной версии своего отсутствия в этом мире. Что придумать? Лежал в больнице, был при смерти, не смог сообщить. Или подхватил простуду и чуть не скончался от соплей?

Кстати, смерть – самое важное событие в жизни, не находите? Любопытно знать, как люди переносят переход от бытия к небытию. Вот спросят меня о клинической смерти –

что скажу? От этих мыслей где-то у корней волос выступил пот....

Хотя, отвлекся.

Родители не смогут упрекнуть, что я пунктуален до тошноты – выехал из Челябинска в январе, а появлюсь в родных пенатах спустя лишь три месяца. Зато насовсем! И вряд ли они знают дату моего отъезда.

Нельзя не сознаться, что на этот раз против обыкновения и логика была не на моей стороне. Короче, добрался и рассказал в родительском доме такую историю – мол, карьера на заводе не задалась, с женой посоветовались, и решил я попробовать в Увелке подняться. Получится – семью заберу, жилье найду, и будем мы жить поближе к природе, подальше от шума, пыли и городского газа. Все слова, несмотря на их необычность, дышали, по-моему, такой простотой, что нельзя было предполагать в них и капли лжи – да и зачем мне врать?

Однако долго в уме редактировал, прежде, чем вслух сказать. Солгать, глядя в глаза родителям, очень непростая задача. А правду я им не хотел говорить: боялся, что она слишком жестока и может привести стариков в шок. Пусть знают то, что я сказал – не хочу их впутывать в мои семейные передряги.

И опустил из рассказа круиз в пещеру.

Отец и мама смотрели на меня, и в глазах их читался вопрос – с ума ты сошел, сын, или просто дурачишь нас? Они

даже переглянулись недоуменно.

– А что ты на это скажешь? – отец выложил передо мной извещение Увельского райкома КПСС двухмесячной давности, предлагающего мне явиться и встать на учет.

М-дя.... Это плохой знак: если совесть чиста, человек не бледнеет вдруг, и руки его не стучат «морзянку». В голове мелькнула куча версий, делавших больше чести изобретательности, чем правдивости. А отец вперил в меня долгий, загадочный взгляд. Потом, после минутного молчания, сказал с непривычной для него печалью в голосе:

– Запомни мои слова: от всякой беды есть два лекарства – время и молчание. Но когда однажды захочешь рассказать о себе всю правду, позови меня – если я еще буду жив, то выслушаю и найду слова, которые утешат душу твою, томящуюся грехом.

– Ты это серьезно? – показалось, меня мистифицируют.

Отец посмотрел на меня взглядом человека, который удивлен, что ему задают такие дурацкие вопросы, и решил брать «быка за рога».

– Ты, похерив диплом инженера, отказываешься от карьеры начальника на заводе. Что после этого мы должны о тебе думать?

– Помнится, ты говорил, что диплом – это поплавок, а высшее образование, оно и в деревне высшее.

– Да ты что? – усмехнулся отец, насколько наивнее мог.

– Я завтра пойду в райком, и мне предложат какую-ни-

будь должность – вот увидишь! Мое образование и доброе имя родителей чего-нибудь да значат! У меня незапятнанная фамилия, рабоче-крестьянское происхождение, партийная принадлежность – это по нынешним временам самое то для начала карьеры.

Отец нахмурился и задумчиво покачал головой – он был дома, в котором спокойствие и уют. Но его насмешливая учтивость была деланной и граничила с полной противоположностью, то есть с грубым наездом на неудачника сына, который оказался несостоятельным по всем направлениям – потерял работу, городскую прописку и явился в родительские пенаты в затрапезном виде, прошлявшись неведомо где несколько месяцев.

Я же, напротив, улыбался приветливо и принимал наивный вид, дающий, как мне казалось, немалые преимущества. Плевать я хотел на такие наезды. Предпочитал хранить инкогнито и отделялся таинственными улыбочками.

– Есть еще одно обстоятельство – сказал отец, помолчав. – Я хочу, чтобы ты меня правильно понял и уяснил: если вдруг обзавелся пороком, который мешает ужиться в обществе, то мы с матерью ничем тебе помочь не сможем.

Тут он, глянув на меня, провел по горлу рукой – мол, однозначное мнение.

– Но, папа, – сказал я, решив в этом споре не уступить им ни пяди. – Если мне действительно пока что не вмоготу, это не значит, что я стал наркоманом.

Отцу показалось, что наступила минута его торжества: с высокомерной улыбкой он откинулся в кресле.

– Тогда говори смело, и чем сможем, поможем – деньгами, советом....

– А на что мне деньги? Какой совет? Ольга ушла к другому, и у меня не осталось сил дальше жить...

Такого человека, как мой отец, надо было именно так хватить обухом по голове, а не щекотать пятки. Удар обухом возымел свое действие – отец покачнулся, будто почувствовал головокружение. Уставился на меня бессмысленным взглядом, распахнув удивленные глаза. Мама быстрее сообразила и тихо заплакала в платочек.

– Послушайте, я не сразу приехал сюда – пожил немного у одной разведенки в Коелге, но чувствую: все не то – нет под ногами почвы, шатается она. Оставил там чемодан с вещами и сюда. Примите? Или я в военкомат да попробую на службу вернуться – поди, еще помнят.

Эта ложь решила все: мой мужественный отец был побежден.

– Да, это меняет дело, – сказал он, вставая, словно желая подчеркнуть важность следующего заявления. – Оставайся, живи: девок в Увелке пруд пруди – найдешь себе кралю. А за Витюшку мы поборемся.

Выражение его лица – перестав сомневаться, можно все-таки остаться изумленным.

Ну вот, теперь я хочу спросить вас, уважаемый читатель,

как спросил король Карл Девятый Екатерину Медичи после Варфоломеевской ночи – хорошо ли я сыграл свою роль? Вы осуждаете меня? Ну, тогда, и вам Бог судья!

Но вернемся в Увелку – конец апреля, год 1984 от рождения Христова.

– Когда ты пойдешь в райком?

– Завтра.

– Какую должность будешь просить?

– Ни в коем случае не буду просить: там ведь обитают люди, которые захотят растолковать то, чего я не хочу знать, и станут насильно объяснять мне истины, в которых сами разочаровались. Черт возьми! хочу сохранить свои иллюзии относительно коммунистического будущего всего человечества – достаточно того, что уже утратил их относительно развитого социализма.

– Ты коммунист очень странных убеждений, – сказал Егор Кузьмич.

– Отнюдь. Нормы коммунистической морали приемлю. А чтобы сохранить почтение ко всему учению, лучше его не знать.

На следующий день, как и говорил, отправился в Увельский райком партии, который за годы моего отсутствия обзавелся новым уютным двухэтажным зданием. В старом остались райисполком, и совет депутатов, и ... – и стоял он рядом весь в морщинах и цветных потертостях, похожих на уши, которые старая пословица приписывает стенам.

Говорят, у домов, как у людей, есть своя душа и свое лицо, на котором отражается их внутренняя сущность. Здание с табличками «Увельский райком КПСС» и «Увельский райком ВЛКСМ» смотрелось весело, потому что его не мучила совесть. А совесть его не мучила в виду отсутствия таковой.

С такими мыслями я вошел – побритый и приодетый.

Сотрудник сектора учета со свойственной служителям канцелярии методичностью разложил на столе документы, уселся на стул и, поправив очки, обратился ко мне:

– Вы и есть Анатолий Егорович Агарков, член КПСС с 1977 года?

– Да.

Старичок кивнул.

– К нам приехали из Челябинска, снявшись с учета в партийной организации Станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе? По причине....

– Состояния здоровья. Я перенес туберкулез, и врач порекомендовал сельский воздух. В диспансере задержался после снятия с учета.

Едва закончилась процедура моей постановки на учет, дверь открылась и появилась весьма миловидная заведующая сектором.

– Анатолий Егорович, – сказала она волнующим грудным голосом, – третий секретарь Людмила Александровна хочет с вами поговорить.

Во избежание недоразумений она проводила меня до две-

рей кабинета.

– Позвольте засвидетельствовать мое искреннее восхищение вашей красотой, – весьма необычно поблагодарил провожатую. – За нескромность простите – потому что не знаю, пошлет ли еще судьба возможность увидеть вас.

– Ах, боже мой! – воскликнула она и дважды оглянулась по пути в сектор учета.

Постучал в дверь, озаглавленную табличкой «Секретарь РК КПСС Демина Людмила Александровна».

Хозяйка кабинета – дама лет сорока, стройная, с короткой прической и подернутыми дымкой усталости глазами – сидела за столом в черном кожаном кресле.

– Присаживайтесь, – она указала мне на стул у приставленного стола.

– Спасибо, – присел.

– Хочу поговорить с вами вот на какую тему – где, на каком поприще в нашем районе вы хотите применить ваши знания? Ведь по диплому вы....

– Выпускник кафедры «Двигатели летательных аппаратов», – сказал, будто признался в государственной измене.

– В каком смысле?

– В смысле, я – специалист по космическим двигателям.

– Оставьте глупые шутки – во всяком случае, в райкоме.

– Вы сами меня пригласили, а теперь упрекаете.

– И упрекаю.... Партия считает – кадры решают все! А вы специалист с высшим техническим образованием, и неужели

во всем районе для вас не сыщется работы?

– Честное слово я в этом не повинен.

– Ну и ну! Да откуда явились вы, Анатолий Егорович?

– Из Челябинска, скажем.

– Это еще не так далеко.

– В том-то и дело, но здесь начинаются тайны Изиды, а в них я не посвящен.

– Хотите чаю?

Через пять минут, как это бывает в волшебных сказках, предо мной на столе стоял поднос со всем необходимым.

– Если хотите курить, курите.

Пепельница присоседилась к подносу.

– Как же случилось, что выпускник закрытого факультета вдруг остался без работы?

– А как случилось, что тиран Дионисий стал школьным учителем? Прихоть судьбы.

– Вам кто-то сказал, что я по образованию историк и работала в школе учителем?

– Для меня это тайна, открытая только что. Даю вам честное слово! А Гомера и Плутарха с пацанства люблю.

Я достал из кармана пачку «Мальборо» и вопросительно взглянул на хозяйку.

– Курите, курите. Я даже признаюсь – люблю дым цивилизованных сигарет. Давайте поговорим.

– О чем же?

– Да о чем угодно – о малой родине, о юности; или, если

вы предпочитаете, о Челябинске.... Я там тоже училась.

– А давайте поговорим о проблемах района – вы, должно быть, в курсе всех дел.

– Пожалуй, это не самая приятная тема.

– Неужели все плохо?

– Дорогой Анатолий Егорович, никогда не следует быть исключением – о работе лишь после третьей рюмки, а мы с вами пили чай.

– Согласен: работа – дело серьезное и требует размышлений.

– Вы слишком строги.... Только не вздумайте сердиться на то, что я вам скажу.

– Я слушаю вас.

– В наше время многое допускается....

– Этим и плохо наше время.

– А вы намерены его исправить?

– Да – в том, что касается меня.

– Не думала, что вы такой ригорист.

– Так уж создан.

– И никогда не слушаете добрых советов?

– Нет, слушаю, если они исходят от друга.

– Меня вы можете считать своим другом. Не верите? Скажите, на каком предприятии нашего района вы хотите работать? – она взяла в руку трубку телефонного аппарата. – Я сейчас позвоню туда, и вас примут на инженерно-техническую должность. Не верите? Говорите....

– В таком случае я бы хотел работать в районной газете. Еще на заводе поступил в университет марксизма-ленинизма при Доме политпросвещения Челябинского обкома КПСС по курсу журналистики. Год проучился. Еще год и я – журналист со вторым высшим образованием...

Третий секретарь райкома партии, как видно, привыкла брать быка за рога: я еще говорил, а Людмила Александровна уже крутила диск телефона.

– Вячеслав Аркадьевич, здравствуйте, Демина. Хочу рекомендовать вам в редакцию будущего журналиста и уже коммуниста, симпатичного молодого человека.

– Это рекомендация райкома? – очень явственно слышалось в трубку.

– Скажем, не последнего в нем человека, вашего друга.

– Сегодняшние друзья – завтрашние враги.

– Бросьте!

И мне, прикрыв ладонью микрофон трубки:

– Его забирают на областное телевидение. Еще не забрали – уже фордыбачит!

– А Серпокрыл? – голос донесся Вячеслава Аркадьевича.

– Наша задача – направлять, поправлять. Вы что обиделись?

– Ладно, уж.... Ваш молодой симпатичный в армии служил?

Демина вскинула на меня глаза.

– В морчастях погранвойск срочную; военная кафедра

ЧПИ, – я подсказал.

– В погранвойсках, – это она в трубку.

И та:

– О-о! Немедленно шлите его сюда. Считайте, что я его принял.

Какая милая женщина, подумал я, покидая кабинет третьего секретаря Увельского райкома партии. И потопал в редакцию.

Редактор «Ленинского знамени» Вячеслав Аркадьевич Кукаркин сидел в светлом, прекрасно обставленном кабинете на втором этаже нового здания, пристроенного к типографии. На мой стук крикнул:

– Войдите.

Я вошел. Вячеслав Аркадьевич из-за стола подскочил:

– Пограничник? Где служил? На Ханке? А я у озера Жаланашколь с китаезами насмерть бился. Каким ветром в Увелку занесло? А я уезжаю – вот дела сдам и в Челябинск, на телевидение, редактором общественных программ. Вмажем за встречу?

Кукаркин достал из шкафа початую бутылку «Сибирской» и две рюмки, налил.

– За тех, кто погиб, защищая священные рубежи нашей Родины!

Выпили стоя.

– А вы знаете, из нашей команды в девяносто ребят, что призывались в Челябинской области, трое не вернулись до-

мой – один пропал без вести, другой утонул, третий застрелен сынишкой комбрига по шалости. Все на Амуре – такая река!

– Ах, господи, – сказал Кукаркин, – что такое, в сущности, жизнь? Ожидание в прихожей у смерти.

– Но не все кончается с земной жизнью. Есть еще память...

– Давай, кстати, помянем! А мир – это гостиная, из которой надо уходить учтиво, раскланявшись и заплатив свои карточные долги.

Бутылку «Сибирской» мы допили.

Мне было без малого тридцать лет. Редактору далеко за пятьдесят. Я был упоен честолюбием, как всегда бывает в начале карьеры. Кукаркин страдал отдышкой грузного тела. Мы были столь далеки по интересам и возрасту, что походили на две стороны треугольника, разделенные основанием; но сходящиеся у вершины, название которой – Газета.

– Журналист, – поучал Кукаркин. – самый эгоистичный и себялюбивый из всех хомо сапиенс. Он уверен, что только для его работы светит солнце, вертится земля и косит смерть. И вместе с тем, настоящему мастеру пера достаточно открыть форточку и послушать тарахтение тракторного мотора, чтобы написать замечательный очерк о механизаторе.

Засиделись.

– Ты навеселе? – встретил меня упреком отец.

– Еще бы! – я так швырнул свою фуражку, что она, не по-

пав на стул, упала на пол и колесом покати­лась по кухне.

– С горя иль с радости? Видишь, как мать о сыне заботит­ся – какой обед приготовила нынче: все твои любимые ку­шанья.

Мама:

– Уже остыло. Кушать будешь? Я подогрею.

– Я буду работать корреспондентом в газете.

Отец:

– К чему это, скажи на милость? Будь я на твоём месте....

– Аппетит приходит во время еды?

– Бывают обстоятельства, когда всего труднее – дать от­вет. Пожалуйста к столу, товарищ создатель новостей, – ска­зал отец и в подпол полез за настойкой.

Уже за столом, уплетая мамины вкусности:

– У меня нет никакого желания добывать для газеты и об­щества жареные сплетни. По душе – проблемные материалы. Вот задача: руководитель коллективного хозяйства ворует – но почему он ворует? Как думаешь, бывший председатель колхоза?

– Такова природа человеческая – он ворует потому, что имеет возможность.

– Ты ошибаешься: он ворует потому, что устал сидеть в своем кабинете и не видит перспектив ни себе, ни делу.

– И какой выход?

– Выход в такой теории. К примеру, я работал сменным мастером с удовольствием и любопытством два, максимум

три месяца, а потом мне стало скучно – все знаю, все умею. И без карьерного роста выход – пьянство и воровство.

– Вы, дипломированные специалисты много о себе мните, а возвращаетесь в кругу вероятностей.

– Нет, это уверенность. Поскольку кадровая политика в руках партии, а печать ее орган, хочу разработать схему карьерного роста для специалистов и руководящих работников. Скажем, если сменный мастер год отработал и не показал перспектив к росту, убирать его к чертовой матери – на другой участок или в рабочие. Старшему мастеру фора два года; начальнику цеха – три, начальнику производства – пять лет. Для директора завода десять не жалко. Министр до пенсии пусть корячится. Вот примерно так. А больше этого срока смысла нет человеку работать – он станет красть.

– Ну-ну, – отец отказался от спора в пользу домашней настойки. Он улыбался, поглядывая на меня с тем ласковым сочувствием, с каким отцы смотрят на безрассудства своих детей.

На следующее утро поспешил в редакцию.

Кукаркина след простыл – сделав напоследок доброе дело, укатил в Челябинск. Бразды передал своему заместителю Ольге Александровне. Но ее еще не было. Секретарь в приемной отправила меня к заведомому сельского хозяйства, под руководством которого, по всей вероятности, мне предстояло работать. Впрочем, которой: это была девица – высокая, стройная, вся в веснушках и представилась Селез-

невой Еленой.

Когда я вошел, она держала в руках свежий номер газеты и с явным удовольствием читала передовую о неурядицах в «Райсельхозтехнике», ею же, по-видимому, и написанную.

– Вы наш новый сотрудник? Присаживайтесь, – она указала на стул за столом, приставленным к ее столу так, что мы оказались лицом к лицу.

– Как вам заголовок? – она протянула свою газету.

Я кинул взгляд – «Что за лозунгом?»

– А что за лозунгом?

– Прочтите.

Углубился в чтение.

Селезнева:

– Совершенно уверена, что Агарков отмолчится. А ведь передовая – раньше их секретари райкома писали, и кто бы попробовал не ответить?

Я смутился.

– Почему я должен молчать?

Лена усмехнулась, накрыв меня снисходительным взглядом:

– Агарков Анатолий Михайлович, директор «Сельхозтехники» – ваш родственник?

– Кажется, да: Катя, его жена, мне доводится родственницей. Это статья – заказ?

– Все очень просто: я не гонялась за сенсацией, но негатив сам свалился под ноги. А главный инженер СХТ Стра-

тий раззадорил, заявив, что райком не даст их в обиду – зря, мол, стараюсь. Но он не учел остроты момента – старый редактор от нас уехал, новый еще не явился, а я не боюсь никого. Теперь удар нанесен – он сокрушительен и отзовется эхом по всему району.

Я не знал, что на это ответить и склонил голову над газетой, чтобы перечесть передовицу еще раз. Факты статьи не показались мне убедительными. СХТ не пользуется любовью селян... (А что там, публичный дом?) Руководство поддерживает свое достоинство при помощи крайнего высокомерия.... Настоящие хозяева земли смеются над ним.... Одаренные люди пренебрегают.... Прославленные механизаторы презирают...

С подачи автора директору «Райсельхозтехники» грозит горькая участь искупительной жертвы. На него пером автора указал перст всевышнего, и все, прочитавшие статью «А что за лозунгом?», должны были требовать заклятия. Мне не хотелось – и не потому, что мы родственники с избиваемым: не убедительной показалась передовица.

Перед обедом пришла из райкома Ольга Александровна и объяснила мне мои полномочия. Назначался я радиоорганизатором и дважды в неделю в 17—00 должен читать перед микрофоном районного проводного радио блок новостей. (Лена успокоила – научу). А еще я стал сотрудником сельхозотдела под началом Селезневой. Два в одном за одну зарплату и построчный гонорар.

Лена, как шеф, для начала посоветовала пройтись по кабинетам и познакомиться с сотрудниками редакции. Что я и сделал, комментируя свои визиты такими словами:

– Здравствуйте, давайте знакомиться. Радиоорганизатор и сотрудник отдела сельского хозяйства Анатолий Агарков. Человек малопьющий, но курящий. Прошу полюбить и принять в коллектив.

Секретаря в приемной звали Галкина.

– Напиши заявление в профсоюз, – сказала она.

Ответственный секретарь редакции была на сессии (студентка-заочница Галина Подгайко). Ее обязанности по верстке газеты исполнял фоторепортер Федор Акулич. На следующее утро он заглянул в кабинет сельского хозяйства:

– Есть информашки в подбор новостей? А чего сидишь? Звони.

Не закрыв мою дверь, открыл дверь в кабинет заместителя редактора, голос возвысил:

– Ольга Александровна! Да скока можно? Наберут желторотиков – ни хера не могут! Я что ль должен собирать информацию?

И спокойный голос зам редактора:

– Федор Николаевич, вспомни себя на второй день в редакции. Что ты мог?

– Щелкать затвором.

Тоже мне, карабинер херов!

Впрочем, к концу дня мы с Федором стали приятелями. Он был из тех, кто любит людей, кого неудержимо тянет болтать со всяким новым человеком и обязательно выспросить у него все, что тот знает. Самому сообщить свежие сплетни.

Он мне поведал значение загадочного слова «Серпокрыл». Они приехали с редактором в воинскую часть с позывным «Бархотка» – какой-то прапор им чего-то пообещал утащить со склада. Но троицу застукал командир по фамилии Серпокрыл – гостей прогнал, а прапора на губу посадил. Все обиделись и, выждав момент, отомстили обидчику. Приехала комиссия в «Бархотку» – то да се по ведомственной части, и под завязку рыбалка с шашлыками на излюбленном месте карьера. А там уже плакат на шесту: «Подполковник Серпокрыл всех в округе баб покрыл... ну, и т. д.». Члены комиссии за бока, а командир «Бархотки» в райком. Кукаркина отстранили от работы – он в область. Мудрый обком всех примирил – редактора районки забрал на областное ТВ.

Такая история.

Зав отделом писем Нина Михайловна уже обсудила с домочадцами мое появление в редакции. Сын ее Вова меня помнит «замечательным председателем студсовета» – он тоже закончил ДПА.

В промышленном отделе его заведующая Зина Попова пожелала мне творческих свершений; сотрудница Тома – успехов в любви.

Корректорши Юля и Люба мне улыбнулись.

Вот и вся редколлегия газеты «Ленинское знамя» – органа Увельского райкома партии и Южноуральского горкома КПСС – куда я своим желанием и волею Деминой поступил на работу.

Совість, чего ты от меня хочешь?

Разве не сказал один мудрец: «Ничего лишнего», и другой: «Все мое несущ с собой»?

Я должен оставить за собой право быть в одиночестве и сохранить свободу.

Молодой, здоровый, образованный, умный, свободный.... Да ведь это счастье!

Меня никто не любит – это плохо. Но ведь и я никого не люблю – а это хорошо!

Когда нет любви, думаешь только о себе и отвечаешь только за себя.

В нашем мире нет ни счастья, ни несчастья – то и другое постигается в сравнении.

Зло притягивает зло и не исчезает без следа.

Надо прикоснуться к смерти, чтобы понять, как хороша жизнь.

У каждого свои изъяны, но лучше существовать с ними, чем лежать в могиле.

Вся человеческая мудрость заключена в двух словах – жди и надейся.

Такие мысли занимали голову....

А меж тем, на дворе буйствовала весна, размягчая сердца,

пробуждая мечты.

– Эх, вот теперь бы с ружьишком куда-нибудь на болото! Как, Анатолий Егорыч, а? В шалашике на заре посидеть у чу-челов... хорошо, да?

У меня прямо слюнки потекли, а Акулич не понимает:

– А потом у костерка чайку с дымком да хорошую чарочку, чтобы каждому мускулу стало тепло. После праведных трудов-то не грех, а?

И начались охотничьи воспоминания. Потом разговор сворачивал на газетные дела. И надо было звонить в хозяйства – добывать свежие информашки для колонки новостей....

В четырех стенах отдела сельского хозяйства светло и тихо – шуршит перо шариковой ручки о лист бумаги. Где-то за пределами этих стен идет борьба за урожай, вершатся большие и малые события, бурлят страсти, и каждый день накладывает какой-то новый штришок на душу человека и район – частицу страны, строящей коммунизм.

Я приходил в редакцию одним из первых, а уходил последним – уборщица выгоняла. Лена в золотистых пятнышках веснушек, осыпавших ее энергичное лицо, входя в кабинет, всякий раз подмигивала – дескать, как она, жизнь-то, ничего? И вместе с ней с веселым шумом ее плаща врывался свежий и влажный воздух увельской весны. Потом она спускалась в типографию и приносила свежий номер (газета выходила четыре раза в неделю). Торопливо искала свои

материалы и читала вслух. Читать она умела как-то по-своему – так сказать, активно: то поднимала указательный палец, подчеркивая важность мысли, то осуждающе качала головой на негативность.

Самым радостным часом в отделе сельского хозяйства было, когда в дверях с таинственным видом, держа за спиной руки, появлялась секретарь Галкина и, оглядев нас сияющими глазами, произносила:

– А ну, кто сегодня плясать будет?

Это значило – прибыли письма с периферии. Те, что приходили из города или поселка, попадали на стол Нине Михайловне. Сельские письма звали в дорогу, и выпадали на нашу долю. Писали старые и молодые, грамотные и не очень; писали жены, требуя «приструнить» разболтавшихся мужей; писали немощные старики, прося помощи или житейского совета; писали пионеры, свидетели хищений или нерачительного отношения к природе. Все эти письма требовали тщательной проверки, каких-то действий по подтвердившемуся факту, и уж потом публикации.

Лена читала их с великой радостью, а потом делила в духе Попандопуло:

– Это мне, это тебе, это опять тебе, это снова тебе....

Если я оставался без писем и обижался, то говорил:

– Будешь в селе, попроси народное средство, которым старушки выводят веснушки.

Она пальцем грозила:

– Женю на себе! А пока не скучай, готовь передачу, читай Аграновского.

Подарила сборник его статей.

Вот журналюга! – очерк напишет и точно в цель: за негативный героя снимают, за позитивный – звезду на грудь!

– Читай, читай, – настаивала Селезнева, – книга тебя журналистом сделает.

И я прочел от корки до корки.

– Уже? – хитровато спросила Лена, когда попытался вернуть подарок. – Ну, что скажешь?

– Он работал в Москве, в центральной газете – у нас таких возможностей нет.

– Но ты же окончил космический факультет!

– У него три высших образования.

– Но ты же окончил космический факультет! – настаивала Селезнева.

– У него вся семья – писатели и журналисты; он, так сказать, потомственный...

– Но ты же окончил космический факультет!

– Клянусь грудями святой Магдалины! а ты будешь щеголять в конопушках до Второго Пришествия!

И на ее угрозу:

– Смотри, пожалеешь, дорогой шеф: в личных делах я невезуч безобразно.

Счастье бывает эгоистично. Мучая Лену профессиональными вопросами, сам не задавался никогда – а как она ко

мне относится в половом плане? Впрочем, о чем я? – обычно женщины уже знают то, о чем мы, мужики, даже не догадаваемся. А вот отец мне дельно советовал – уходя на работу, вытаскивай мозги из штанов.

Май наступил.

У окон пресс-клуба, выходящих на запад, на ветках тополя распустились клейкие листочки; из-под них выбились мохнатые красные сережки, похожие на жирных гусениц, из которых скоро полетит пух. Они терпко пахли солоноватым запахом, и аромат их, врываясь в открытые окна, кружил голову. Словно в гостеприимно раскрытые двери порой влетали сюда воробьи и скакали по подшивкам газет, разложенных на столах. И оставляли следы. Ругалась уборщица, закрывая окна.

А мы собрались тут под праздник на «междусобойчик» – без начальства и «стариков».

Акулич за старшего:

– А ну, сельхозотдел, выдай лирику!

Лена взглянула на меня, и я:

– А в деревне сейчас сумерки, тихо-тихо. Талой землей, отопревшим навозом, дымком пахнет. Корова в хлеву подстилкой шуршит, беспокоится: телиться ей время....

Федя с удивлением, не то со страхом посмотрел на меня:

– Анатолий Агарков?

– Нет, Аграновский.

Кажется, в этот момент мой авторитет у Акулича возрос

до небес – он едва не пустился в пляс. Потом выпили и заговорили о своих делах. Федор болтал безумолку, трунил над начальством, смешал женщин. Попав, наконец, в родную атмосферу непринужденного застолья, он наслаждался ею вполне, чувствуя себя в своей тарелке после утомительной верстки номера.

Странное стояние переживал я в те дни. Не прошло двух недель с момента моего поступления на работу в редакцию, а я перестал быть угрюмым и подозрительным – теперь просто светился восторгом и счастьем. С тех пор как поверил, что смогу стать настоящим журналистом, мной овладела жажда деятельности и появилась цель жизни. С тем же фанатическим упрямством, с каким догонял своих сокурсников, отстав от них на два с лишним месяца учебы, стремился я к этой цели. Еще в ранней юности привыкший осмысливать свою жизнь, прежде всего, точно определил, что должен сделать, чтобы достичь высот мастерства, не тратя попусту драгоценного времени. И выходило, что я должен, во-первых, верно понять ситуацию, чтобы правильно подать материал; во-вторых, видеть перспективу, чтобы дать совет по существу проблемы; в-третьих, и это было самое важное и трудное, владеть словом так, чтобы даже узко профессиональный материал был интересен всем читающим.

Нет мук страшнее муки слова – кто-то умно и правильно заметил.

Любому человеку, знакомому с качественным уровнем

районки, это показалось бы невероятным – никто ни от кого такого не требует. Но ведь я моряк, а по кораблю строем не ходят – к чему мне чьи-то условности: я сам устанавливаю законы, по которым живу.

И вот я взялся за осуществление этого плана. С педантизмом, который поражал самого, изучал материал, над которым работал. Когда все доступные факты были собраны, а мнения учтены, садился штудировать центральные издания – как они подают подобные темы?

Статьи, репортажи, очерки – проблемные материалы занимали все мысли мои. Я уже чувствовал себя в редакции, среди этой суеты и женского засилья, как чувствует, вероятно, рыба, которую волна слизнула в море, после того как она полежала, задыхаясь на песке. Впрочем, дамы наши все были немножко сумасшедшие, по уши влюбленные в журналистику, с которыми способному и старательному человеку легко найти общий язык. Если и делали мне замечания, то не по бабской стервозности, а дельные и по поводу.

Все мне тут нравилось и напоминало, что я близок к осуществлению мечты: не работал, а прямо таки жил атмосферой редакции, впитывая ее деловую суету.

Так что... запели ангелы в голове, и, пожалуй, их песня была прекрасной.

2

День Печати решили отметить на базе отдыха Увельского лесничества. Стены затерянной в лесу дачи украшали оленьи рога, зеркала в рамах и чучело глухаря. А вот в углу банкетного зала на мраморной основе гипсовая скульптура мальчика – инвалида детства первой группы, судя по отсутствию обеих рук – выглядевшая весьма чужеродной. Казалось, ее поставили сюда просто для того, чтобы она не мешалась в другом месте. Вид ее аппетита не добавлял. К тому же доски пола под ногами визжали – не ходите сюда! не надо!

Первый десант с провизией – Галкину, Акулича и меня – редакционная машина привезла и укатила обратно. Мы столы вынесли на веранду, сдвинули, накрыли – ждали, ждали... выпили. Федору, должно быть, захорошело – болтал, болтал, а потом... хлоп галантно так секретаршу по заду.

– Едрить-кипятить! Обожаю женщин таких – пышногрудых и пышнозадых. Ибо настоящую красоту объем не портит!

– Акулич! – взвизгнула та. – Ты обещал не приставать.

Федор ко мне:

– Сельхозотдел, обоснуй желание.

Я:

– Если принимать все мужские клятвы всерьез, наметится тенденция к уменьшению численности населения.

Галкина:

– Вы, мужики, все выгибистые, как животные!

Но я был прям как стрела:

– Человек, любящий мудрость, радуется отцу своего; а кто знает с блудницами, тот расточает имение.

– Ну вот, уже в блудницы записали, – поджала губки в куриную гузку секретарша, промакивая распунцевевшее лицо носовым платком.

– То есть поглядывать можно, а трогать ни-ни? – Акулич кинул на нее взгляд искристый, как дуга Вольта.

Я продолжил мысль.

– Однако мытари и блудницы первыми попадают в рай.

Федя довольно крякнул:

– Я смотрю, ты в курсе содержания святых книг.

– Никакие знания никогда не бывают вредны: им всегда найдется применение.

– Даже столь дурацким, как твои? – похоже, Галкина на меня обиделась, и физиономия у нее стала такой кислой, что хоть чай с нее пей вместо лимона. Встав напротив, она пытливо всматривалась в мое лицо, будто надеясь найти в нем признаки слабоумия. При этом кофточка на ее груди так туго натянулась, что круглые желтые пуговицы, смахивающие на жемчужины, казалось, вот-вот отлетят и словно картечью расстреляют меня. Двигая челюстями с меланхолической неторопливостью, как корова на лугу, она пережевывала бутерброд. В такт их движениям качалась высокая при-

ческа крашенных волос.

Природа, выпитое и безделье.... Забирая все остальные запахи, в воздухе одуряющее пахло сосной, прохладной водой в лесном сонном озере, чем-то соленым и свежим, как морской прибой. Но даже на природе люди остаются людьми, несмотря на многие запреты, что висят над ними в обществе. И уверен – не все желают, чтобы их маленькие грешки знали окружающие. А мне совершенно ни к чему эти тайны.

Я был когда-то женат и, пройдя сквозь этот ад, ценил женщин весьма недорого – так что, усилив сарказмом, вернул ей усмешку:

– Сожалею, что неправильно понят. Я совершенно нелюбопытный человек и готов в одиночестве посидеть, пока вы сходите в номер.

– А? – Федя на мое предложение подскочил даже.

Желание распирало его изнутри, словно он проглотил воздушный шарик.

– И не мылся даже, – Галкина махнула рукой. – Сегодня оба шефа будут – старый и новый. Я ломаю голову – кому первому дать?

– Дева Мария и святые апостолы! – возопил Акулич. – Это мода такая – начальству давать? А как же друзья? Да таких как я – один на весь мир!!

Секретарша и бровью не повела. От нее так и несло предвкушением скорых неприятностей. И даже аромат духов ее наполнен сильным и едким запахом беды, в котором и боль,

и бессилие, и отчаяние несбывшейся мечты.

А вот Федяка улыбался ласково и очень по-доброму. Хотя было видно, что поселившийся внутри его пузырь желания начал сдуваться.

М-дя... Нелегко нудистам в комарином раю!

Если честно, мне было плевать на их желания или нежелания... прочую чепуху. Все это – ерунда, которая случается в коллективах сплошь и рядом, попойке на гулянках. Все мы грешны. Ничего удивительного для себя не узнал. И не стал искать логику в мотивах этих людей. Однако начало дня было чересчур хорошим для того, чтобы таким же оказался и его конец.

Солнце уже пересекло зенит и опускалось все ниже, когда участники банкета под названием «День Печати» собрались, наконец, за накрытым столом. Очнувшись от утренних впечатлений, я озирался по сторонам. Мир журналистики, в котором вращался почти уже две недели и к которому начал привыкать, теперь показался мне каким-то странным.

Нового шефа еще не видел, а, увидев, сразу решил – в редакционном коллективе он смотрится таким же своим, как черт, заглянувший на воскресную мессу. Впрочем, это скорее литературный оборот – все гораздо сложнее и проще. Вот как многодетная невеста отвечает на вопросы подруг об информированности жениха ее прошлым – а зачем мужикам знать наши маленькие секреты? Так в отношении Семисынова (это новый редактор) сразу воскликнуть хочется –

ничего себе маленький! Его шоферское прошлое не могли скрыть ни сшитый у портного костюм, ни голубая рубашка с синим галстуком, ни начищенные до блеска туфли. Особенно, когда выпьет. И глаза подводили – беспокойные, бегущие – в них угадывалось наслаждение чужими болью и бессилием. Таким нравится наблюдать чьи-то муки и ощущать свою власть. А еще они полны уверенностью, что всегда поступает правильно и что именно обладатель их тут единственно хороший и порядочный человек. Короче, Александр Геннадьевич обладал врожденной крестьянской культурой и при этом был полностью аморальным и безжалостным типом.

Такое у меня сложилось впечатление.

Кукаркин поглядывал на приемника с горечью и недоумением, как на большое жизненное недоразумение. А когда тот предложил тост: «за правящую элиту коллектива!» – за столом в тот момент сидели лишь мэтры редакции – отмахнулись жестом короля, отпускающего посудомойку:

– Иди вон, с девками потанцуй.

Но тот пригласил на танец замредактора.

Ольга Александровна даже не отказала – она посмотрела на нового шефа, как... как взглянула бы на табуретку, которая вдруг выбежала у нее из-под задницы и еще в голос возмутилась тем, что она собиралась на нее сесть.

– Дурак ты, Саша, – негромко и не вполне по существу, но зато доходчиво сообщила новому шефу Нина Михайлов-

на. В голосе ее хватало яду отравить всю Увелку. Да и Южноуральск в придачу.

Сашка-дурак наладился стоять у двери, упершись спиной в косяк. Руки гордо скрещены на груди – ну прям Наполеон в изгнании! – физиономия полна трагизма, чело нахмурено в грецкий орех.

На лужайке перед верандой молодежь танцевала в кругу шейк.

– Вот эта публика – твой потолок! – ледяным, как вода из крана, голосом отчеканила Ольга Александровна.

Замечательная фраза!

Мгновение за столом царило молчание, а потом Кукаркин начал смеяться – весело и искренне, как на хорошей комедии. Вид у него был такой, словно все его мечты каким-то чудесным образом осуществились. Но таких весельчаков, как он, оказалось мало.

К примеру, нового шефа нельзя было назвать особенно веселым – голова его была полна всяких неприятных мыслей, а радостное настроение, с которым он приехал на базу, совсем улетучилось.

Что там ни говори, а это не лучшее завершение дня для знакомства с коллективом, – думал Семисынов.

Александр Геннадьевич никак не мог поверить, что в редакции найдутся люди, способные нахально оспаривать его единоначалие. Это было так неожиданно, как если бы бухгалтер вдруг начал выдавать журналистам конфетные фан-

тики вместо зарплаты.

И еще он думал – я обязательно буду сильным редактором! пусть не думают, что я слабак! я им всем покажу! я сотру с их лиц улыбки! а кое-кого просто выгоню!

Вечерний воздух никогда не пах так сладко. Я блаженствовал, покуривая, в старом кресле в отчем саду. Мне некуда было торопиться, и я любовался игрой красок на облаках в лучах заходящего солнца, прокручивая в голове события уходящего дня, слившиеся в одно счастливое мгновение....

Идя по коридору дачи увельских лесников, увидел открытую дверь в пустую комнату, по-видимому, служившую Красным Уголком, и не мог удержаться, чтобы не зайти туда на минутку. В центре стояли в ряды сколоченные деревянные кресла. Перед ними длинный стол. Красная скатерть на нем говорила сама за себя. На стенах плакаты, как гравюры душевной инквизиции.

Вроде обычная комната – даже некрасивая, но здесь проводятся политзанятия. Эта и подобные ей помещения символизируют разницу между развитым социализмом и насквозь прогнившим капитализмом. Здесь люди постигают культуру бесклассового общества и читают политинформации. Если когда-нибудь наш народ будет лишен права знать правду о том, что творится в мире, Советский Союз прекратит свое существование, как государство.

Как журналист, сам был частью этой системы и испытывал переполнявшее чувство гордости – готов отдать все силы

на воспитание нового человека счастливого будущего!

Долго стоял впечатленный в мастерской человеческих душ, а потом вдруг услышал разговор за тонкой дверью в смежную комнату, задрапированной картой мира.

– Тебе нужен такой враг, как я, Федор Николаевич, а? – голос Семисынова был угрожающим.

– Кажется, я не совсем понимаю, о чем вы....

– Крестись, когда кажется, – в голосе нового шефа звучала холодная ирония.

Внезапно за спиной раздались чьи-то шаги, и я вздрогнул, рискуя попасть в неловкую ситуацию подслушивающего. А мысль о том, что я нервничаю, заставила нервничать еще больше.

Редакционный водитель Виктор Иванович вдруг вырос и застыл на пороге Красного Уголка, глядя на меня. А я сделал вид, что увлекся поиском острова сокровищ на карте мира.

Теперь можно только гадать, что он подумает обо мне.

Водила ушел, ничего не сказав, а я пропустил часть разговора – Александр Геннадьевич уже заканчивал свой, судя по всему, продолжительный монолог:

– ...не имеет значения, как ты играешь, важно лишь то, что ты победил.

– Но это не совсем порядочно, – запротестовал Федор.

– Даже совсем не порядочно! – оборвал его Семисынов. – Когда я приду в редакцию окончательно, мы снова погово-

рим. Надеюсь, к тому времени ты все обдумаешь и, наконец, решишь, на чьей будешь стороне. Только смотри, не перехитри себя самого! И еще, Федор.... Если узнаю, что ты за моей спиной что-то там... где-то и с кем-то, то поджарю яйца твои себе на завтрак. Выражаюсь понятно?

– Давайте закончим.... Меня уже тошнит от таких разговоров!

– Ты перебрал, от того и тошнит.

Новый шеф вышел, хлопнув дверью, и протопал по коридору. А я подстерег Акулича, который показался ужасно злым – однако, судя по всему, не сломленным. Посчитав, что мы приятели, прямо спросил – чего от него добивается Семисынов?

Федор зашипел, прикладывая палец к губам и быстро оглядываясь по сторонам.

– Ты чего.... чего кричишь-то?

– Не кричу, а хочу спросить – за что тебе угрожает новый шеф?

– Да тихо ты! – снова прошипел Акулич. – Не надо тут об этом. Ты ко мне в редакции загляни... ну... и поговорим. Насчет того, чтобы... эээ... что-то рассказать, обещать не буду, но тут... ну... об этом вообще нельзя... посторонним такое знать не надо. А то кто-нибудь подумает, что ты от меня все узнал, и яйца мои поджарит. Да! А я-то здесь ни при чем!

– Перестань, Федор Николаевич! Понимаю: ты не хочешь мне рассказать, но ведь ты знаешь – ты обо всем догадыва-

ешься, что здесь происходит, и какая политика творится, – в виде и голосе моем неприкрытая лесть, и губы Акулича растянула улыбка. – Мне просто интересно знать, что Александр Геннадьевич замышляет. Или он тебе что-то доверяет, что не может или не хочет сказать другим?

Федя горделиво выпятил грудь.

– Ну.... эта... думаю, не будет ничего, если я тебе скажу кое-что, – в голосе попавшегося на лесть фотокора звучали оттенки сомнения. – Значит, так... Он сейчас учится в ВПШ (высшая партийная школа), а летом вернется полноправным редактором. А... вот еще чего забыл.... про Ольгу.

– Ольгу Александровну? – вырвалось у меня.

– Кукаркин ее проталкивает на свое место, а Семисынов говорит – райком за него.

Акулич вроде доволен собой – мол, набрался храбрости и сказал, но я его радости не разделял.

– Значит, наш коллектив – банка с пауками? – трагическим голосом спросил.

– Увы, старик, на этот вопрос я не могу ответить. По крайней мере, здесь и сейчас. Но может быть, ты все узнаешь сам. ... а пока забудь об этом. Вот поработаешь, приглядишься... Я понимаю – наверное, это звучит неприятно, но кое-что тебе знать еще рано.

И добавил, отведя взгляд в сторону:

– Что происходит с людьми? Где их былая честь?

Федор замолчал, и я понял, что настаивать бесполезно.

Ситуация была весьма трагичной, если не считать ее комичной. У меня от всего услышанного стали перегреваться мозги: ведь бред же, абсурд – а все же....

Теперь у меня появится дума – кто же станет нашим редактором?

И, наверное – прощай, спокойная жизнь! Меня всегда забавляло, какими странными путями порой следует человеческое мышление. А вот мой мозг иногда удивлял своего хозяина – будто не серое там с белым вещества, а золотые прииски бесценных мыслей.

Кстати о Федоре... Он суетится, мчится по жизни, как будто опаздывает на свидание. Он невысок и крепко скроен, с седеющим ежиком на голове. Болезненно честолюбив, и прокладывает себе путь к благополучию, не имея ни денег, ни связей, которые помогают другим. За время своей работы в газете приобрел оболочку цивилизованного слуги народа, но под ней скрывается весьма независимый человек, который ничего не забывает и никому не прощает. Главное – знает, кто он есть.

От Акулича мысли перетекли к себе любимому и делам интимным.

Встречаясь по службе и на работе с молодыми женщинами, каждый раз неизбежно сравниваю их с Лялькой, и, конечно, сравнение не в их пользу....

А после таких, как сегодня, вечеринок приходилось выдерживать мучительную борьбу с собой. Не был уверен:

то ли от меня ожидают, что я попытаюсь втиснуться к даме в постель, то ли мне просто не улыбалось тащиться одному ночью домой. Понять, что от меня хотят, морокой считал, и я никого не провожал.

Конечно, не против быть в постели с кем-нибудь рядом – кого можно было обнять, с кем можно было разделить свои чувства и возможно дальнейшую жизнь. Хотя дело не только в теплом теле, которое могло говорить, но и в душе человека, которую хотелось любить. Однако наиболее интересные женщины были замужем, и это создавало препятствия.

Мои родители в вопросах брака были твердых пуританских убеждений, и я никогда не забывал об этом. Хотя далек был от того, чтобы воображать себя блестящим образчиком нравственного поведения, но твердо знаю, что я не бабник.

А праздник закончился не так, как начался.

Дотацив Федора до его дома, помог взобраться на двухступенчатое крылечко и веранду – после такого подвига дышал тяжело.

– Вот сейчас чувствую, что выпил.

Акулич посмотрел на меня с жалостью.

– Не надо пить, если не умеешь, – сказал и свалился на пол.

– Что здесь происходит? – на веранду вышла мадам Акулич, клопоча от злобы.

– Если б я знал, то был бы на вашем месте, – витиевато этак ответил и вышел.

А в спину мне Федор:

– Держать форты, пока не вернусь!

Мне нравится подводить вечерами итоги, переживая заново каждую деталь прошедшего дня. В такие минуты освобождаешься от груза забот и проблем, которые осаждают на работе. Это время кратковременной свободы, удаления от бесконечных требований информашек и материалов в газету. Но в этот вечер, чудесный сам по себе, добавлял приятностей и алкоголь в крови. Легкий бриз с Займища шевелил листья сада, воздух был наполнен ароматами цветов.

Мне захотелось, чтобы рядом вдруг оказалась Лялька, разделить великолепии этого вечера. Непереносимая ирония заключалась в том, что любя ее, я не мог быть с ней – судьбы наши с каждым годом будут удаляться теперь друг от друга все дальше и дальше. И только фотографии хранят воспоминания о прекрасном и мертвом прошлом.

Есть ли на свете другая женщина, способная заставить меня забыть об этой любви? Забыть горе. Забыть обо всем и попытаться снова стать счастливым.

Кого я спрашивал? Небеса, наверное. Но у них не было ответа.

Имею ли право осуждать их за это?

Не знаю, какие страшные силы формируют нашу жизнь и превращают нас в то, что мы есть. Прежде всего, необходимо знать себя, чтобы понять, что будет дальше.

К чему стремиться? За что бороться? Люблю ли я деньги,

люблю ли я власть? Нравится ли мне быть богатым и всемогущим?

Нет ответа, но твердо знаю: быть бедным романтично только в книгах.

Но хватит об этом! Теперь о сыне....

Устроившись на работу, в первый же выходной съездил за ним. Вите сейчас четыре года, и он быстро рос. Ему нравилось жить в Розе, и я был за него спокоен. Бабушка окружила внука любовью, а дед воспитывал настоящим мужчиной и внушал ощущения собственной независимости. Я же планировал стратегию своего поведения с сыном гораздо тщательней, чем карьеру в газете, желая избежать ловушек, неизбежных в семье, где родители не живут вместе.

Неделю Витек жил в Увелке. Мы играли в разные игры, и меня поражала быстрота его мышления. У него было восхитительное чувство юмора. Мы (я и мои родители) смаковали его способности. Чувство гордости переполняло. И боли....

Я еще любил его мать, но уже входил во вкус одиночества и думал, что даже ради сына не пойду на воссоединение семьи. Мы слишком долго двигались каждый своей дорогой, и развилка осталась далеко позади. Да и гордость никогда не позволит простить то, что было. Хотя знаю, есть философия – все знать и прощать, но никогда не забывать.

Время – это быстрая река без берегов и границ. У него свои сезоны. Не зима, лето и осень, а дни рождения. Мой

календарь – это мой сын. Он постоянно напоминает о том, как быстро текут годы.

Как-то незаметно для меня сын перескочил период цветных карандашей и книжек с раскрасками. Мы увлеклись с ним устным творческим сочинительством – наши вымышленные герои полны благородства, бесстрашны и веселы. Как автор и человек, сын мой был чувствительным и нежным, показывал хорошо развитое чувство честной игры. Короче, идеалист, которому еще далеко до цинизма.

Был ли я честен до конца с собой? Видел ли рядом с ним тень его матери?

Возникали сомнения. Но, видя его загорелые щечки и сияющие глаза, решил – причины, в конце концов, не имеют значения. Важно, что нам вдвоем весело. Он не был намеком на меня или мать – он был личностью сам по себе.

И я любил его больше всего на свете.

Вот интересно, любят ли все остальные отцы своих сыновей так же сильно как я? Это казалось мне невозможным. Я готов был умереть за него, убить ради него....

Перед Днем Печати отвез Витю в Розу.

Теперь сидел в тени от клонящегося к закату солнца и, вглядываясь в прошлое, пытался понять – когда в моей жизни умер смех беззаботный?

Деревья в вечерних лучах, шелест листвы, птичий гомон были неопишуемым счастьем; но глубоко внутри, как заноза, сидела острая боль от сознания, что не с кем мне разделить

его. И это чувство, так странно смешанное из счастья, боли, меланхолии, грусти и безнадежности, грозило стать обычным состоянием на долгие годы. Это заставляло задуматься, хотя знал – логика моя небезупречна.

Конечно, расстроился из-за того, что услышал днем от Акулича. Но все равно нельзя делать глупостей впопыхах. О чем я? Да о том, что не стоит ввязываться в подковерную борьбу за кресло редактора ни на чьей стороне. Мое дело – достоверная информация для читателей.

Вдруг стало жизненно необходимым вспомнить, кто первым встал из-за стола на банкете. А дело вот в чем....

Когда последний участник торжества вошел на веранду (а это был редакционный водитель) и окинул сидящих взглядом, возникло замешательство.

– Садись, Виктор Иванович, чего ты? – сказал Кукаркин. – Вон же свободное место.

А тот вдруг:

– Если я сяду, нас будет тринадцать. А бабушка мне говорила: когда вместе обедают тринадцать человек – кто первый встанет, тот первый умрет.

– Не пори чушь! – нетерпеливо сказал новый редактор. – Садись скорее, гусь стынет.

Виктор Иванович немного помедлил, смежил веки, как для молитвы, поджал губы и опустился на стул с таким видом, как будто предвидел свою скорую смерть.

Мы пили, ели, болтали, шутили, смеялись....

Галкина взялась гадать по руке. Взглянув на мозолистую ладонь Акулича, без обиняков ему сообщила, что такой короткой линии жизни отродясь не видала.

Федор лишь насмешливо хмыкнул, а мне на ухо шепнул:

– Это она перед редакторами выделяется.

– Меня не научите херомантии? – обратился я к секретарше.

– Способность эта особенная, не каждому дается, – жеманно говорила Галкина нараспев. – Не думаю, что можно научиться. Но попробуем. Прежде всего, надо уметь расслаблять сознание и наружные глаза...

Из груди Федора вырвался смешок, и он прижал кулак ко рту, чтобы не разразиться неудержимым хохотом.

Между тем, подвыпившая секретарша продолжала мурлыкать:

– Тогда у тебя откроется Третий глаз и заговорит подсознание. И возможно, если улыбнется Фортуна, ты сможешь понять значение линий на руке и предсказывать судьбу.

Признаться, чувствовал себя ужасно глупо – пялиться на ладонь ее холеной руки, стараясь выгнать из головы, назойливо вертящиеся слова «чушь собачья». Слова не желали уйти – тем более, Акулич то и дело хихикал, а Селезнева презрительно фыркала.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила Галкина меня после минут пяти глазения.

– Да, вижу, – ответил я. – Вас в белом платье. Наверное,

скоро будет свадьба.

Кто слышал, прыснули.

Я кротко попросил:

– Пожалуйста, не мешайте – вы нарушаете вибрацию пространства ясновидения.

Секретарша вырвала свою руку, в глазах ее полыхнул гнев:

– Я замужем!

Так кто же встал первым из-за стола?

Мысли мои вновь унеслись через пространство и время, на дачу лесников.

Помнится, Лена вдруг предложила:

– А кто хочет увидеть будущее в магическом шаре?

Кварцевый шар этот на кварцевой же подставке преподнесли Селезневой на южноуральском заводе «Кристалл», и он стоял за стеклом в шкафу нашего кабинета сельхозотдела.

Все кинулись.... Да, молодежь подскочила из-за стола, чтобы в искаженном в муть пьезопространстве постичь судьбы свои.

А я сидел... Точно помню. Потом сказал:

– Последствия наших поступков всегда так сложны, так разнообразны, что предсказание будущего – невероятно трудная задача.

Поэтому Лена, когда немного улеглись страсти, проворковала:

– Уважаемый Анатолий, будьте любезны так: загляните внутрь шара... внимательно, не торопясь... и потом скажите мне, что вы там видите.

Я склонился над «магическим» шаром и напряженно уставился на него, от души желая увидеть что-нибудь в искаженном пространстве. Но все старания были напрасны.

Молчание затягивалось.

– Ну что? – с деликатным нетерпением поинтересовалась моя наставница. – Видишь что-нибудь?

От духоты и выпитого кружилась голова. Решил притвориться:

– Вижу что-то темное... м-м-м...

– На что оно похоже? – прошептала Селезнева. – Подумай, не спеши.

А я как раз в спешке старался что-то изобрести.

– Это книга, – уверенно заявил.

– Вот как! – воскликнула Лена. – Ты пишешь стихи? Рассказы? Желаеть издавать свою книгу?

– Нет, – твердо ответил, – ничего не пишу.

– Слава Богу! – Лена вздохнула. – А то я подумала... Графоман никогда не станет настоящим журналистом – запомни!

До меня не сразу дошла абсурдность этого заявления.

Солнце уже коснулось леса, позолотив верхушки деревьев, заливая небо кровавым цветом, кладя в саду длинные черные тени.

Наверное, завтра будет ветрено, – подумал, а потом поправился, – там увидим!

Или не увидим, что тоже не исключено. Служба в погранфлоте приучила всегда быть в готовности к смерти. Во всяком случае – радоваться жизни без всякого повода.

Сделал глубокий вдох-выдох и попытался расслабиться, отогнав все мысли. Когда удалось, почувствовал: будто с меня свалился груз килограммов на пятьсот. Даже показалось, что могу летать. И должен!

Тут так некстати голос мальчишки у садовой калитки:

– Дядя Толя! Дядя Толя! К вам пришли!

Я поднялся и подошел:

– Привет, Серега! Кто пришел? Где пришел?

– За нашим забором тетка стоит – вас спрашивает.

– Хм.

Карие глазенки пацаненка блестели, мордашка лукаво сияла.

– Не врешь?

Довольно скоро выяснилось, что «тетка» – это Тома из нашей редакции, сотрудник промышленного отдела. Между прочим, замужняя дама, присутствовавшая на даче лесников вместе с супругом. Что привело ее сюда, поздним вечером, одну?

– Я хочу быть у тебя первой.

Не совсем тот ответ, что хотелось услышать.

– То есть?

– Я так полагаю: у тебя ни с кем ничего еще не было в редакции?

– Э, погоди-ка! Ты соображаешь, что говоришь?

– Надеюсь, ты – воспитанный человек и не откажешь даме.

– М-м... не слишком уверен. Ну, а как насчет того, что я люблю свою жену?

Тамара едва заметно улыбнулась, покачав головой.

– Для меня это ровным счетом ничего не значит. Я сама состою в браке и не имею ни малейшего желания разводиться. Тут другое: хочу быть у тебя первой. Когда в редакции начнут судачить, я уже буду иметь свое собственное мнение. И не стоит упрячиться....

Решимость, читавшаяся на ее лице, подтверждалась стальными нотками в голосе.

Я умудрился стереть с лица недоумение и даже выдавил подобие сочувственной улыбки.

– А как насчет – мы просто друзья?

– Я не собираюсь за тобой ухлестывать. Не нужно воздвигать против меня оборонительных рубежей – мы просто перепихнемся... и разбежались.

М-дя... похоже не удастся уклониться. К тому же, сопротивление может испортить имидж. Так что расслабься, мальчик, и получи удовольствие.

Задумчиво покусал губу, прикидывая – куда вести даму? Наконец, решил:

– Учитывая обстоятельства... пойдём, я познакомлю тебя

с родителями.

– Ага? Ну, ладно....

Мы пошли. Внезапно Тома улыбнулась каким-то своим мыслям и покосилась на меня.

– Как ты меня представишь?

– Скажу – коллега из редакции, которой негде сегодня ночевать.

– А, понимаю! Мои предки тоже в восторге от того, где я работаю. Почему ты пошел в журналисты с инженерным дипломом? Мне это кажется неразумным.

– Райком направил.

– Ага, понятно! Потом ВПШ и долой Семисынова?

– Меня редакторское кресло не прельщает.

– Кстати, ты неплохо пишешь.

– Спасибо, Тома! Хочу тебя кое о чем попросить.

Гостья внимательно посмотрела на меня.

– Хвали почаще мои материалы – это поддержит мою уверенность. Лена Селезнева, как злобная мачеха, их только хает и правит – пытается сделать из меня Аграновского.

– Это от зависти: ты пишешь прекрасно, – напыщенно сказала Тома.

Представляя гостью родителям, как мог, старался сохранить внешнюю невозмутимость, но это плохо мне удавалось.

Отец ободряюще улыбался.

– Тома обратилась ко мне, как к другу, – уточнил.

– Да я понимаю, – кивал отец и к накрытому мамой столу

достал свою фирменную настойку.

Когда за окнами потемнело, хозяин усадьбы предложил госте:

– Спать ляжете во времянке – там сейчас не холодно и прекрасно пахнет садом.

– Я вас стеснила?

– Никаких затруднений! Напротив, ваш визит доставил нам удовольствие.

Его взгляд сделался странно пристальным. Может, ему очень хочется, чтобы она обязательно согласилась на времянку? Может, он специально устраивает, чтобы нам ничто не мешало?

– Ну, тогда – благодарю вас. С удовольствием.

Ответ оказался правильным.

Отец мой мгновенно просветлел и попросил маму сменить белье на кровати.

– Ты здесь родился? – спросила Тома, когда мы остались вдвоем.

Она обвела взглядом тесную избушку, радуясь, что нас не определи в дом.

– Отец полностью перестроил усадьбу, пока я служил.

Из единственного окна открывался прекрасный вид на сад, но сейчас задрапированный занавеской и темнотой. Мы выключили свет и разделись.

Это было первое чувственное ощущение, возникшее со дня расставания с Властой. Да нет, наверное, подобные

ощущения исчезли во мне после измены Ляльки. Голое женское тело рядом вызывало неловкость, но в то же время и успокаивало. Неужто я еще способен на бесстрастные ласки? Впрочем, до организма, наконец, дошло, что от него чего-то ждут.

Тома целовала мою грудь и гладила ладонью чресла:

– А это что?

В темноте светилась ее улыбка.

– Ну..., – протянул с ответом. – Привык на секс настраиваться с утра. И сейчас....

– Тебе какая роль по душе – насильника или насилуемого?

– Интересно было бы посмотреть, – сказал с иронией, – как это меня можно изнасиловать?

С великолепным французским прононсом гостя произнесла:

– Вот, сударь, вы и напросились!

Я даже вздрогнул от неожиданности – ибо в следующий момент Тома оседлала меня. Вскинув голову, встряхнула богатыми кудрями. В полумраке задором светилась ее улыбка.

– Расслабься: секс – это не работа, а священнодействие.

– Как можно расслабиться, когда насилуют?

– Не можно, а нужно – иначе не получишь удовольствия.

Вскоре я понял, что Тома намерена выжать из моего тела куда больше, чем то, на что оно способно, пребывая в уверенности, что ее прелести неотразимы, а знания мужских инстинктов и психики ее глубоки.

Так оно и было. Некоторое время. А потом время вышло. Нет, время текло дальше: время оно же бесконечно. Но Тома иссякла, а я еще не получил удовольствия в акте насилия.

Насильница была обескуражена.

– Передохнем? Но ты не вздумай уснуть!

Что ответить? – ничего не придумав:

– У тебя-то хоть получилось?

Тома лежала отстраненно:

– Если честно... Я чувствую себя змеей, которая пытается вползти в сброшенную кожу. Понимаешь: ты вроде рядом и не со мной – ты не участвовал в процессе.

Похоже, она не шутит. Вот и сейчас не знаю, чего мне хочется больше: приласкать ее или, извинившись уйти в дом, в свою уютную спальню. Сумел выдавить подобие улыбки, невидимой в темноте. Право же, было бы несколько странно оставить гостью одну после того, что было.

Вспомнил мамины деликатесы:

– Ты хочешь кушать?

– И пить тоже, – произнесла она почти обиженно.

– Сейчас принесу, – попытался утешить.

– О, нет! Вместе пойдем – я еще хочу в туалет.

Она не позволила мне одеться и сама пошла голышом.

Время далеко за полночь – даже комары спать улетели. Спали родители. Мы, как два привидения без простыней, забрались в дом – попили водички, натырили хавчика и настойки. Если б родители нас застукали – голых, с ворован-

ным на руках – вот был бы шухер! Но пронесло. А мне понравилось шастать голым по усадьбе.

– Кто мешает-то? – спросила Тома.

Ответил не сразу:

– В конечном итоге это культура – она не появляется с бухты-барахты.

– Звучит неплохо, – сказала гостья, смакуя настойку.

– М-м-м, возможно. Полагаю, что вы с мужем дома одежду не носите? Я вообще считаю эту идею гениальной. Но не пойми превратно – как быть с эрекцией? Или, примелькавшись, она отсутствует?

Из темноты двора на порог времянки прыгнул черно-белый кот – Тамара вздрогнула. Я предложил ему кусочек колбасы. Васька принялся с энтузиазмом жевать, урча от удовольствия.

– В старом доме у нас были рыжие коты, а теперь только пестрые выживают. Мама говорит – домовый заедает.

Тома поела, попила, притянула к себе кота и стала тереться об него грудями:

– Ой, какое чудо пушистое!

Я, улыбаясь, наблюдал за ней – явно чертовски довольной собой.

Когда мы допили последние капельки настойки, в округе устроили переключку первые петухи.

– Ты больше не будешь меня насиловать?

Протяжный меццо-сопрано ответил:

– Хочу спать. А если хочешь чего-то ты, можешь злодействовать: мое тело к твоим услугам – я люблю, когда меня имеют во сне.

На лице моем во всю ширь разлилось удивление, и с трудом подавил готовящийся сорваться с языка комментарий, потом сумел натянуть маску невозмутимости.

С ленивой улыбкою на губах Тома откинулась на подушку, водрузив кота себе на гениталии.

– Ну, что ж, будем спать, – я погасил свет. – Васька, тебе не кажется, что дама моя?

Ничуть не смущаясь, кот наш мурлыкал в темноте.

Ну и черт с ним, зато не возникнет желания иметь даму во сне.

– Расскажи мне сказочку на ночь, – на правах гостьи потребовала Тома.

Я не нашел предлога отказаться, и потому решил, что самое лучшее – говорить о чем думаю.

– Как тебе новый шеф?

– Наверно привыкну.

– Я думал, его встретят с цветами.

– Была нужда!

Мы немного помолчали и уснули.

Знаете в чем разница ощущений, когда ты просыпаешься с любимой женщиной и случайной? В первом случае – расставаться не хочешь, во втором – не знаешь как.

3

Карьера моя взяла в карьер – боюсь, как бы шею аллюрами не свернуть.

Едва ли освоившись на новом месте, Кукаркин затребовал к себе Селезневу. И вот уже я – и о заведующего отделом сельского хозяйства. Впрочем, зарплаты мне это не добавило: по-прежнему числился радиоорганизатором, сидел на своем месте сотрудника в кабинете сельхозотдела и исполнял обязанности его заведующего. Но, оказывается, и Лена до моего прихода была как пакетик кофе – три в одном. А настоящим заведующим была Татьяна Зюзина, которая теперь в декрете. Нужно дело!

Новая должность давала свободу выбора тем материалов. И я задумался....

В дверь постучали. Вошел мой двойной тезка, и даже родственник, который Михайлович. Он решительно пожал мою руку и уселся на Ленин стул.

– А где?

Я заметил, как мгновенно потеплел взгляд директора Сельхозтехники на мой ответ:

– Селезневой нет, и больше не будет.

Анатолий Михайлович выложил на стол мятую-перемятую – немало, видать, потетешкался – нашу газету.

– Я по поводу статьи «А что за лозунгом».

И тут все стало на свои места. Напрасны были ядовитые замечания Лены – мол, проглотил обиду-де мой родственник и утерся. Вот он, здесь – ничего не глотал, улыбается. А застал бы автора – поджал губы, наклонил голову, как бульдог, готовый вцепиться в задницу – и не жди сочувствия, конопатая!

– Чуток припозднились.

– Потрясающе! – выдохнул родственник, на мгновение увлекшись какими-то внутренними видениями, потом вернулся в реальный мир. – Я принес материал в газету.

К мятой газете на стол выложил мятую же тетрадь.

– О чем? – я отодвинул стул, скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу.

– Все о том же, – кивнул Анатолий Михайлович, – о чем в статье у Селезневой.

При ближайшем рассмотрении оказалось не столь уж о том. Это вообще не статья для газеты, а план технического перевооружения Сельхозтехники – мол, стеллажи с запчастями, и контейнеры, вызываемые нажатием кнопки. Я с трудом давил зевоту.

Стряхнув сонливость, предложил:

– Оставляйте. Я сделаю из этого материал для газеты.

Однако родственник мой уперся:

– А разве это – не материал?

– Вы не беспокойтесь – подпись будет ваша. И гонорар.

Анатолий Михайлович глянул на записи и мрачно ух-

мыльнулся:

– Я бы хотел взглянуть под чем будет стоять моя подпись.

– Всенепременно.

После высочайшего визита директора райсельхозтехники вернулся к прерванным раздумьям – выбору темы. Чем успешно занимался вплоть до обеда. Уходя, глянул на себя в зеркало – отраженная ухмылка была лишена малейших признаков сочувствия.

Тема выбрана!

Это будет Увельский пищекомбинат – структурное подразделение Увельского райпотребсоюза. Серьезное предприятие. Летом 1973 года перед поступлением на ДПА я работал там два месяца – и на всю жизнь негативные впечатления.

Вернуться туда с удостоверением журналиста.... О-го-го! Дай Бог встретить моих притеснителей! Я ведь думал, думал долго об этом, а теперь имею возможность.

Пообедал, спустил на пол кота, уютно устроившегося на коленях, снял с брюк несколько прилепившихся шерстинок – все! журналист (мститель?) Агарков к бою и походу готов!

Так как там поживает Увельский пищекомбинат?

Вообще-то комбинат поживал плохо.

– Воруют и пьют, – вздохнула мастер виноразливочного цеха Клавдия Петровна. Казалось, она голосом ласкает детей неразумных – своих рабочих.

– Вы не против – я пообщаюсь?

Ага! Вот и кладовщица Платушина – жива, курилка! Сколько ж крови моей она выпила! Открывшаяся возможность сравнять счет мгновенно согрела душу. Будешь ты у меня, толстомясая, главным обличителем недостатков – ведь каждый играет, как умеет!

– Мне кажется у вас отличное чувство юмора – поднимем настроение нашим читателям?

Не ведая о моем коварстве, она пригласила в бытовую комнату, налила чаю.

Следом женщины собрались.

– Рабочие, говорите, тырят? А начальство?

– А те не воруют – так берут.

– Коммунизм, стало быть, у вас тут?

– Пока нет.

– А когда будет?

Кладовщица, прежде чем ответить, предпочла отхлебнуть глоток чаю.

– Когда настанет подходящее время, которое пока что еще не пришло.

– А кто-то пытается эту ситуацию как-то изменить?

– Кому-то надо....

– Попробуй только – получишь горбатых....

Кстати, «горбатые» – статья 33 трудового кодекса, предусматривающая увольнение нарушителя дисциплины по инициативе администрации.

Народ разговорился – успевай только слушать. Ой, какие они ядовитые! Кто мог бы подумать! Я даже голову склонил, пряча ухмылку. Набрал в грудь побольше воздуха и строчил, строчил, строчил....

Помнишь, толстомяся, как мы с твоим мужем катали двухсотлитровые бочки с грибами в подвал? Ему приезжие дали червонец, а мне.... Ты сказала – не надо, убогий, мол, обойдется!

– А что собственно здесь происходит? – в бытовку вошла девушка в белом халате. – Вы кто?

Я представился.

– И что вы здесь делаете?

– Осуществляю задание редакции.

– А вы что осуществляете? – обратилась она к собравшимся женщинам. – Не кажется вам, что это не осторожно – быть откровенными с посторонним человеком, пробравшимся сюда с определенной целью?

Захваченная врасплох Платушина откинулась на спинку стула и сердито сверкнула на меня глазами.

– Газета – орган райкома партии; наша задача – бороться с недостатками, – кротко напомнил я.

– А смотрите так, будто ведете следствие – и все пишете, пишете.... Кстати, предъявите-ка ваше удостоверение.

Она выжидательно замолчала.

Я подал документ и светски поинтересовался, заметив обручальное кольцо:

– А сестры у вас нет?

– Нет. Зачем вы спрашиваете?

– Как всегда, – вздохнул я. – Все прекрасные женщины уже замужем.

– Сомневаюсь, что здесь подходящее место для выслушивания подобных шуточек.

Похоже, тема уходит из нужного русла. Черт! Что ж, впредь наука.

С арктическим холодом в голосе девушка в белом халате заявила кладовщице:

– Я буду вам чрезвычайно признательна, Валентина Васильевна, если вы впредь не станете повторять такие инсинуации. Никогда.

У кладовщицы от изумления живот колыхнулся сам собой, а ледяные серые глаза красавицы вдруг сделались похожими на два оружейных дула.

Платушина открыла рот – и медленно закрыла. Читалась на ее лице: да что тут, к чертовой матери, творится?! и как от такой пигалицы может исходить столь чудовищная угроза? в институтах учат, надо полагать.

– Это всего лишь шутка, Аня – ни о чем всерьез мы не говорили.

– И не очень смешная! – девушка потерла запястья и нахмурилась, глядя куда-то вдаль. На скуле заиграл желвак. Она подняла голову и взглянула на меня. – Идемте, товарищ журналист, в мой кабинет.

– Господи, боже мой, Анечка, – всполошилась Платушина, – я ведь не имела в виду, ... что ты на самом деле?

– Тем не менее, – резко перебила та, – все, что происходит в коллективе, относится к грифам «секретно» и «после прочтения, сжечь». Из чего следует, что если «в органе райкома партии» появится статья с обвинениями против нас, вы не сможете убедить руководство в своей невинности. Подумайте о вытекающих из этого последствиях – будьте любезны. Особенно если... ну, все зависит от темы статьи.

Кладовщица озадаченно пожевала губу, переваривая услышанное. Затем просияла:

– Но... ведь товарищ корреспондент не будет писать о нас плохо. А что плохого о нас писать? А если... мы скажем, ничего не говорили – все сам придумал товарищ....

О себе напомнил:

– Агарков. Газета призвана вскрывать недостатки, указывать пути их устранения.

Платушина неловко поерзала широченным задом и начала медленное отползание в сторону.

– Да что вы вскрыли? Все – бабьи сплетни.

Ответом послужило лишь короткое пожатие плечами и неопределенный жест – я поднялся и пошел вслед за Аней, поджидавшей меня в дверях.

Похоже, девушка в белом халате становится просто удручающе дипломатична.

Ну, посмотрим, кто кого.

В кабинете с табличкой «Технолог производства».

Оторвавшись от созерцания моих кроссовок, хозяйка подняла голову.

– Я знаю, что у меня нет права просить об этом.... Тем не менее – о чем вы будете писать?

И криво улыбнулась – видать, через силу.

Черт бы побрал ее улыбку! Она меня обезоружила. Понимает ли, насколько опасен для руководителей предприятия мой визит? Наверное, да – и это опасение льстило мне куда больше, чем я рисковал показать. Но ей самой-то чего бояться? Уж я постараюсь, чтоб ее роль была наиболее позитивной.

– Ладно, – вздохнул, – скажу: впечатление негативное. Может быть, вы сможете показать позитивную сторону производственной деятельности вашего коллектива.

Я расслабился, готовясь слушать – она напряглась.

– Вот о чем я вас попрошу – не писать о людях с чужих слов: поговорили с Платушиной, о ней и пишете. Или обо мне – я отвечу на все ваши вопросы.

– Слово репортера, – снизошел я, выдержав хорошую паузу.

После этого расслабился полностью и даже почти развеселился. В последующие полчаса Анна рассказывала мне о делах производственных, перемежая информацию дифирамбами в адрес руководства. Лишь одно хуже субъективной критики безграмотного демоса – это еще более субъективная

похвала грамотного специалиста. Совершенно очевидно, что сегодня технолог Аня ни на шаг не отпустит меня от себя – она даже не пожелала прерваться, когда после обеденного перерыва вновь из цеха донесся стук и бряк. Когда же она принялась излагать планы пищекомбината по техническому перевооружению производства, сослался на дела в редакции и удрал.

И только топая на работу, вдруг понял, что остался в дураках. Есть фамилии, есть недостатки, но я не выяснил их причины и, значит, не смогу указать путь к устранению. Раздраженно нахмурился – статья не слагалась. Все не так! И Аня тому причиной – действительно хороша дивчина! Мне следовало опасаться ее обаяния и следовать цели, с которой пришел, а я допустил ошибку. И еще – она вытянула из меня слово не критиковать начальство; просто выдавила его с упрямой прямолинейной решимостью – принудила фактически дать обет. Что делать?

Решение пришло, когда перешагивал со ступеньки на ступеньки, поднимаясь в редакцию. Я аж присвистнул. Тема получалась очень партийной. Да это же высшая справедливость – накормить этих пищеделов блюдом, приготовленным по собственному рецепту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.